

О ПОЛИДИСКУРСИВНОСТИ В АГИОГРАФИИ: ЖИТИЕ ПАВЛА ОБНОРСКОГО И АСКЕТИЧЕСКИЙ ТЕКСТ

Жития преподобных как группа типологически родственных текстов, занимающих определенную нишу в средневековой агиографии, естественным образом связаны с аскетической тематикой. Очевидность этого факта, а также традиционность методов исследования агиографического нарратива оставляют за рамками научной проблематики вопрос о формах присутствия в канонической схеме жития аскетического дискурса как такового, тогда как сама тема монашеского подвига в житиях преподобных рассмотрена в медиевистике достаточно полно. Вопрос этот осложняется тем, что феномен аскетического дискурса до сих пор остается вне поля зрения исследователей. Главной причиной тому, по-видимому, является непроясненность критериев принадлежности того или иного средневекового текста к данному типу дискурса. Поэтому исследование условий и особенностей взаимодействия текстов разного типа представляется задачей еще более сложной. Тем не менее мы позволим себе сосредоточиться на данном аспекте, пытаясь ответить на несколько ключевых вопросов: существует ли аскетический дискурс в агиографии? Можно ли говорить об агиографическом тексте как о полидискурсивной структуре? Если возможно включение инодискурса в житийный традиционный нарратив, то как, когда и зачем это происходит? И меняется ли при этом (или не меняется?) прагматическая составляющая агиографического текста?

Как нам кажется, все эти отнюдь не праздные вопросы требуют рассмотрения, особенно на фоне несомненных успехов, которых достигли современные исследования агиографической топики как ключевой составляющей разных житийных субжанров, и в том числе житий преподобных.¹ Новый аспект исследования агиографического произведения с точки зрения его полидискурсивности, под которой мы будем понимать взаимодействие типологически разных дискурсов в рамках одного текстового пространства,² позволяет взглянуть на

¹ Pratsch T. Der hagiographische Topos: griechische Heiligenviten in mittelbyzantinischer Zeit. Berlin, 2005; Рыду Т. П. 1) О композиции и топике житий преподобных // ТОДРЛ. СПб., 2006. Т. 57. С. 431—500; 2) Житие Сергия Радонежского в контексте агиографической топики // IX Чтения по истории и культуре Древней и Новой России: Материалы науч. конф. (Ярославль, 25—27 сент. 2014 г.). Ярославль, 2016. С. 4—19; 3) «Живые мертвецы» древнерусских житий (из истории агиографической топики) // Текст и традиция: Альманах / Под ред. Е. Г. Водолазкина. СПб., 2016. Т. 4. С. 7—18; и др.

² О термине см.: Андреева В. А. Литературный нарратив: дискурс и текст. СПб., 2006; Иерусалимская А. О. О соотношении терминов «полидискурсивность» и «интердискурсивность» // Вест-

хорошо известный материал в новой плоскости и пересмотреть наши представления о специфике его художественной организации.

К столь непривычному подходу в интерпретации этого круга текстов нас привело детальное рассмотрение так называемой Пространной редакции Жития преподобного Павла Обнорского с точки зрения «чужих» текстов, использованных неизвестным агиографом начала XVI века как текст «свой».³ Ранее нам удалось выяснить, что составитель Пространной редакции активно и свободно цитирует многочисленные переводные жития преподобных в той их редакции, которая присутствует в трех рукописях «Соборника» Нила Сорского, исследуемого в настоящий момент как уникальное явление в литературе XV в. Т. П. Лёнгрен.⁴ Вызывает интерес не только очевидная зависимость текста Жития Павла Обнорского непосредственно от «Соборника», но и способ цитирования, и широкий круг цитируемых житий, и — что самое важное — организация из разрозненных цитат фрагментов, обладающих нетипичной для русских житий преподобных структурой, в которой мы склонны видеть признаки типологически иного дискурса. Ранее мы предположили, что этот круг цитат тяготеет «к своеобразному “тексту в тексте”, связанному с аскетической тематикой. Этот специфический слой в структуре Жития Павла объединяет и оригинальные, и “чужие” фрагменты, обладая многими признаками неагиографического типа текстов, максимально широко представленного в творениях святых отцов-аскетов, всплеск интереса к которым характерен именно для рубежа XV—XVI вв. после относительного спада популярности аскетических текстов в середине XV столетия».⁵

Речь идет о широком круге святоотеческих текстов, в которых представлен специфический тип дискурса — «аскетический дискурс», обладающий в совокупности рядом характерных признаков: 1) определенной прагматической ситуацией порождения, восприятия и интерпретации текста, предназначенного для хранения, осмысления и передачи информации о верифицируемом в ключе традиции восточнохристианской Церкви опыте богопознания и богообщения, с подробным изложением средств и условий достижения этой цели; 2) при всем разнообразии форм и стилей — набором повторяющихся, наиболее типичных

ник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Сер.: Филология, педагогика, психология. 2016. № 1. С. 54—58.

³ *Егорова М. С.* Житие Павла Комельского и «Соборник» Нила Сорского: «чужой» текст в агиографии // ТОДРЛ. СПб., 2016. Т. 64. С. 260—278. Рукописная традиция Жития, к сожалению, до сих пор не исследована. Вслед за В. О. Ключевским, С. П. Розановым, М. Д. Каган, М. В. Захаровой мы можем предварительно констатировать существование нескольких редакций текста, в том числе Пространной редакции в трех вариантах (без посмертных чудес; с 19 чудесами; с 26 чудесами). Проблема истории текста памятника все еще ожидает более глубоких изысканий. Однако для изучения нашей проблемы достаточно рассмотрение текста именно Пространной редакции без чудес, представленной списками раннего XVI в.: РГБ, ф. 310 (собр. В. М. Ундольского), № 349; РНБ, собр. М. П. Погодина, № 659; РНБ, Софийское собр. (далее — Соф.), № 1356, № 1361. Далее текст Жития Павла Обнорского цитируется по рукописи РНБ, собр. М. П. Погодина, № 659, опубликованной в изд.: Житие Павла Обнорского // Жития Павла Обнорского и Сергия Нуромского: Тексты и словоуказатель. СПб., 2005. С. 69—106.

⁴ *Лёнгрен Т. П.* 1) Соборник Нила Сорского. М., 2000. Ч. 1 (далее — Соборник 1); 2002. Ч. 2 (далее — Соборник 2); 2004. Ч. 3 (далее — Соборник 3); 2) Переводные жития преподобных святых в древнерусской книжности до и после создания Соборника Нила Сорского (часть 1) // Palaeoslavica. Cambridge, Massachusetts, 2012. Вып. 20, № 2. С. 283—371.

⁵ *Егорова М. С.* Житие Павла Комельского... С. 277.

структурных схем, значительную роль в которых играют устойчиво используемые вербальные средства; 3) концептуально-ценностным наполнением этих структурных схем, которое реализуется в ряде взаимосвязанных фундаментальных понятий аскетики, получающих устойчивое терминологическое закрепление за ограниченным кругом лексики близких семантических полей, таких как «подвиг», «страсть», «обожение», «молитва», «безмолвие», «богосвидение», «искушение» и др.

Дискурс подобного типа представлен в таких известных и востребованных русской монашеской традицией сочинениях, как «Лествица» Иоанна Синайского, постнические слова Исаака Сирина, «Постничество» Василия Великого, «Воспоминание к своей душе» Петра Дамаскина, главы Григория Синаита, поучения аввы Дорофея, главы «О любви» Максима Исповедника, которые наряду со многими другими текстами занимают определенную нишу в средневековой восточнохристианской литературе. К сожалению, ни один из аспектов аскетического дискурса не является изученным в настоящее время. Еще в 1998 году С. С. Хоружий в монографии «К феноменологии аскезы» писал: «Весьма странным образом систематический анализ аскетического (исихастского) дискурса как феномена письма, текста, литературы до сих пор отсутствует. (...) Труды по византийской литературе никогда не трактуют аскетический дискурс как целостное литературное или жанровое явление, но, вырывая отдельные памятники, рассматривают их в составе агиографии (“Лимонарь”, “Лавсаик”), поэзии (гимны Симеона Нового Богослова) и проч. (...) Меж тем “наивная” аскетическая литература не только воплощает свою особую концепцию человека, но добивается такого влияния и воздействия на взгляды, поведение, поступки читателя и слушателя, какие сравнимы только с самим Св. Писанием, словами Христа. И, как ясно для всех, кроме жрецов науки, тут — поле глубоких проблем для герменевтики и поэтики. Какими способами аскетический текст кодирует и доносит свой смысл, свой мощный заряд? Как аскетический дискурс достигает той силы личного присутствия, что дает ему возможность выступить живою толкующею инстанцией?»⁶

Попробуем более детально рассмотреть обративший на себя внимание текстовый материал и обосновать наше предположение о полидискурсивности агиографического текста.

1. В круг памятников, послуживших источниками цитат для Жития Павла Обнорского, по нашим наблюдениям, входят жития Антония, Евфимия и Феодосия Великих, Иоанникия и Паисия Великих, Кириака Отшельника, Петра Афонского, Симеона Столпника Младшего (Дивногорца), Иоанна Безмолвника, Арсения Великого, Феодора Сикеота, Иоанна Дамаскина, Феодора Студита.⁷ Ориентация русского книжника именно на эти тексты (а среди них мы видим жития отшельников, столпников, основателей монастырей и учителя Церкви), несомненно, связана с их аскетической тематикой. В одних случаях русский агиограф заимствовал целые фрагменты, в других — использовал толь-

⁶ Хоружий С. С. К феноменологии аскезы // Хоружий С. С. Исследования исихастской традиции. СПб., 2012. Т. 1. С. 230.

⁷ Егорова М. С. Житие Павла Комельского... С. 260—278.

ко краткие фразы и даже отдельные синтагмы. Результатом его работы является, конечно, целостный, хотя и частично компилятивный текст, окрашенный безусловной сосредоточенностью на аскетической проблематике в части уставных указаний по внешней регламентации монастырской жизни в недавно основанном монастыре (это наиболее очевидные контексты) и в тех фрагментах, которые посвящены собственно духовному деланию. На фрагменты второго типа мы и обратим наше внимание.

1.1. Рассмотрим фрагмент Жития, описывающий пребывание Павла в обители Живоначальной Троицы в послушании у преподобного Сергия Радонежского.

Житие Павла Обнорского, л. 493 об.—494	Источники
Тѣмъ и усерднѣ наказуаше (Сергий. — М. Е.) его истинному пути спасения. Он же всю волю свою отвергъ, въ всемъ святого послушаше без рассуждения. Сие бо прежде всего подобаетъ постризающимся, вначалѣ не имѣти своея воля, но держати послушание и смѣреную мудрость и ждати присно часа смъртнаго, всегда молящеся. Такжеже и тѣлеснѣ подобаетъ трудитися чернецемъ, паче же юннымъ, всегда празднымъ не быти и не послабляти, ни стужати си въ трудѣхъ, ниже, отъ мира сего отходяще, мнимъ велико что отмещуше. Но сие подобаетъ намъ помышляти, яко аще нынѣ пребывании мирскихъ не оставимъ, нѣ послѣжде умирающе всяко оставимъ, аще и не хоцемъ. Того ради тѣлнѣнаа оставляемъ, да Царство Небесное примемъ. Тѣмъже подвижающиеся не стужаемъ си, ни льнимся, нѣ по вся дни пребываемъ въ въздержании, не точна бо суть страдания нынѣшняго врьмене, хотящеи славу быти подвижающимся. И сия вѣды, преподобнии Сергие повелѣ блженному Павлу службы монастырския проходить и тружати в магерницѣ и въ хлѣбопещицѣ, и въ прочихъ послуженихъ зъ братьями.	Се же вѣдѣте, яко прежде всего подобаетъ постризающимся вначалѣ не имѣти своея воли, но держати послушание и смиреную мудрость, и ждати присно часа смертнаго, и пещися о немъ прилѣжно, и боятися страшнаго дне суднаго, и прешения огненнаго, любити же славу вѣчну небеснаго царства. Глаголаше паки, яко подобаетъ чернецемъ, паче же юннымъ, съ внутреннимъ хранениемъ, и тѣлеснѣ трудитися, поминающе апостола Павла, глаголюща (Житие Евфимия Великого. — Сборник 3. С. 251). Азъ же яко верстою старѣи в васъ, еже вѣдѣи еже искусихъ, се подамъ. Буди начало обще вѣмъ се въздержание наченшимъ, не послабляти, ни стужати си въ трудѣхъ, ни глаголати: «Долго пребыхомъ въ въздержании нашемъ» (Житие Антония Великого. — Сборник 3. С. 167). Тѣмъже, чяда, не стужаемъ си, ни вѣмѣняемъ, яко многи лѣта пребывающе въ подвижѣ, велико что творяше се, не точны бо страдания нынѣшняго врьмене, хотящеи славу быти подвижающимся, ни отъ мира сего отходяще, мнимъ велико что отмещуше (Там же. С. 168). (...) И се же подобаетъ намъ помышляти, яко аще нынѣ доброты мира не оставимъ, но послѣжде умирающе всяко оставимъ, многажды же и имже не хоцемъ. Яко же глагола Съборникъ, то почто убо мамоны сея не оставимъ, да Царство Небесное примемъ, ни събирати же сего, кто насъ помысла приемлетъ, кое приобрѣтение то събирати, егоже не въземлемъ съ собою (Там же. С. 168—169). (...) И творяше сиа, не стужаемъ си, ни льнимся (Там же. С. 169). (...) Также и мы по вся дни пребываемъ въ въздержании, вѣдуше, аще и един день разлѣнимся... (Там же. С. 169).

Сопоставление текста Жития с его источниками позволяет сделать несколько разноаспектных выводов.

Во-первых, мы убеждаемся в том, что агиограф опирался на тексты переводных житий, свободно обращаясь с претекстом, перефразируя его, разрывая фразы на краткие синтагмы и легко смешивая их в одном высказывании. По-

рождаемый при этом текст является цельным и связным. Такая легкость может свидетельствовать о том, что автор прекрасно знал жития Евфимия и Антония Великих, текст которых используется им не как источник цитат, а как основа для порождения нового текста с оригинальной структурой и оригинальным смыслом. Возможно, этот новый текст необходимо рассматривать как сочетание своеобразных «формул», которые являются одним из инструментов специфического вербального кода — «аскетического текста», и агиограф воспринимает их как наиболее емкие и точные формулировки устойчивых, востребованных аскетической тематикой жития смыслов.

С этими наблюдениями непосредственно связан второй вывод, вытекающий из сопоставления текста трех житий. В цитируемом нами отрывке из Жития Павла Обнорского, если не принимать во внимание гетерогенное происхождение некоторых его элементов, присутствует фрагмент, который сильно отличается по своей структуре от окружающего нарратива и посвящен описанию того, как подобает проводить монашескую жизнь, в чем заключаются монашеские труды. Именно эта часть приведенного отрывка из жития построена на свободных цитатах. В чем заключаются специфические отличия этого фрагмента от традиционного житийного повествования?

1.2. Для ответа на этот вопрос рассмотрим в более широком контексте тот фрагмент Жития Евфимия Великого, который послужил источником цитирования для составителя Жития Павла:

Житие Евфимия Великого (Соборник 3. С. 250—251)
Великии же Евфимие, единъ сѣдя в пещерѣ, безмолвствоваше и въ подобно время приходящую братию ползеваше, понеже врачъ бѣ изряденъ, душа врачюя и утѣшая всѣхъ приходящихъ. Того ради никтоже от братии таяше своя мысли от него. Он же веляше противитися лукавымъ мыслямъ, и како противъ стати имъ сказоваше. Поучяше же кождо, глаголя: «Братие, о немъ же изыдоше, о томъ подвижайтеся, и о своемъ спасении не нерадите. На всякъ чясъ подобаетъ намъ бодрымъ быти. “Бдите бо и молитесь, — глаголетъ Господь, — да не внидите въ напасть”. Се же вѣдѣте, якоже прежде всего подобаетъ постризающимся в началѣ не имѣти своего воля, но держати послушание, и смиреную мудрость, и ждати присно чяса смертнаго, и пещися о немъ прилѣжно, и боятися страшнаго дне суднаго, и прешения огненнаго, любити же славу вѣчну Небеснаго Царствия». Глаголаше же паки, яко «подобаетъ чернцемъ паче же юннѣмъ съ внутреннимъ хранениемъ и тѣлеснѣ трудитися, поминающе апостола Павла, глаголюща: “День и ночь дѣлающе, да не будемъ никомуже тяжчи”. И рукуи мои послужите мнѣ и сущимъ съ мною. Лѣпо убо есть и мирскимъ чловѣкомъ страдати, и тако тружющимся от дѣла своего начятки приносити Богови, еще же и милостино творити по силѣ свои, и тако кормити жены и чяда, еще же и дани даяти. Намъ же потребу тѣлесную от дѣла нашего имѣти, а празднымъ не быти, и чюжаго труда не приимати, понеже апостолу повелѣвающу праздному не ясти». Сими словесы и иными симъ подобными отецъ нашъ Евфимие братию учя просвѣщаше.

Приведенный фрагмент демонстрирует, что цитированные из него в Житии Павла Обнорского фразы являются частью прямой речи. Прямая речь Евфимия выделена специфической текстовой рамкой («**Поучяше же кождо, глаголя...**» — «**Сими словесы и иными симъ подобными отецъ нашъ Евфимие братию учя просвѣщаше**»), которая отражает ситуацию ее произнесения: это старческое поучение братии, начинающееся с прямого обращения к слушателям. Очень характерны синтаксические конструкции, неоднократно повторяющиеся в этом фрагменте. Представленный в начале прямой речи императив 2-го лица множественного числа «подвижайтеся», «не нерадите», подкрепленный цитатой

из Евангелия от Марка: «Бдите и молитесь, да не внидите в напасть» (Мк. 14: 38), — типичен для старческих поучений. Его использование обусловлено прагматическим компонентом поучения, обращенного от опытного наставника к менее опытным духовным чадам как регулятив, в соответствии с которым ученикам необходимо действовать определенным образом. Это одна из важнейших семантических сфер в текстах подобного типа, реализующаяся далее в рассматриваемом фрагменте с помощью цепочки однотипных конструкций с ярко выраженной модальностью долженствования и необходимости («подобает нам бодрым быти» и т. п.). Амплификация, настойчивое повторение подобных друг другу по структуре синтагм «подобает кому-то что-то делать» создает напряженное смысловое пространство текста, направленное на воздействие, на организацию деятельности адресата согласно формулируемым принципам, правилам, средствам регуляции поведения. Поэтому речь может идти о тексте-регулятиве, который представляет собой прямая речь Евфимия Великого в его Житии, включенная в основной агиографический нарратив с помощью однозначных маркеров «чужой» речи («глаголя», «словеса»). При этом важно отметить, что за счет представленных в тексте дейктиков «нам», «мне», «ны» обобщенность, неизбежная универсальность правила как принципа действия нейтрализуется и читатель начинает воспринимать себя как одного из тех, к кому эта прямая речь обращена напрямую. Таким образом, в этом фрагменте ключевыми являются одновременно и эффект аутентичности, создаваемый явно маркированной как прямая речь, и расширение числа слушателей до бесконечного числа благодаря размыванию границы между реальным и возможным адресатом.

В Житии Павла Обнорского цитируются те фразы, которые структурно соответствуют инструкциям второго типа с модальным компонентом семантики («подобает» + Д. п. + инфинитив). Вовлеченность читателя в этот «диалог» старца с учениками в цитированных фразах минимальна, так как дейктики, указывающие на ситуацию «мы здесь и сейчас», отсутствуют; наоборот, речь идет о «подвизающихся» и «чернецах» вообще, о монашестве в целом. Однако последующая часть текста из Жития Павла Обнорского, построенная, как мы видели, на цитатах и перифразах из Жития Антония Великого, вносит свои нюансы в структуру текста, для выявления которых необходимо рассмотреть более широкий контекст из Жития Антония.

1.3. Выделенные курсивом в Житии Павла Обнорского фразы, как выясняется, рассредоточены по достаточно обширному оригинальному тексту, из которого они были изъяты, и включены в новый текст. Приведем источник цитирования с небольшим сокращением заключительной части интересующего нас фрагмента Жития Антония, из которой не были использованы отдельные фразы.

Житие Антония Великого (Соборник 3. С. 166—196)
Всѣмъ тѣмъ паки отецъ и вожь баше. Въ единъ убо день пришедшимъ къ нему и молящимъ слово слышати отъ него, глаголаше имъ египетски сице: «Писания убо доволна суть на научение, намъ же добро утѣшати другъ друга въ вѣрѣ и словеса цѣлити. И вы убо, яко чяда, терпите отцю, глаголющая бо вѣсте. Азъ же, яко верстою старѣи въ васъ, еже вѣдѣи и еже искусихъ, се подамъ. Буди начало обще всѣмъ се въздержание наченшимъ, не послабляти, ни стужати си въ трудѣхъ, ни глаголати: “Долго пребыхомъ въ въздержании нашемъ”, —

сѣмѣяемо съ будущими вѣки, и все время жити нашего ничтоже есть противу вѣчнѣи жизни. Всяка бо вещь в мирѣ сѣмъ на неже цѣнѣ продався, равным равное премѣняется. Обѣтование же вѣчнѣи жизни малым чимъ купуется. Пишетъ бо ся дние живота нашего, в них же семьдесятъ лѣтъ, аще ли в силахъ — осмьдесятъ, и прочее тѣхъ труд и болѣзнь. Егда убо вся 80 лѣтъ пребудемъ въ въздержании, неравно толико же или 100 лѣтъ царствуемъ, но без числене, и на земли тружашеся, не на земли причастимся благихъ, но на небеси имамъ обѣтования. Тлѣнно же полагающе тѣло, без тля паки приемлемъ. Тѣмже, **чяда, не стужаем си, ни вѣмѣняемъ**, яко мнози лѣта пребывающе въ подвижѣ, велико что творяще се. Не точны бо страдания нынѣшняго времени, хотящеи славы быти подвижающимся, ни от мира отмещуше, ибо вся земля имѣние малѣише есть противу небесныхъ благъ. Аще бо вся земля господие быхомъ были, и сего отвергыли, ничто же точно быхомъ створили Небесному Царству, якоже бо кто преобидитъ едину мѣдну драхму и приобретае 100 златыхъ драхмъ, тако же и вся земля господинъ бывъ, и отмѣтаяся ея, мало оставляет и 100 сугубо приемлетъ, да аще ни вся земля точна небеси есть, то иже оставилъ мало нивъ, аки ничтоже оставилъ есть. Аще кто и злата оставилъ довольно и дома чюдны, **не трѣбуеъ хвалитися**. И се же **подобаетъ намъ помышляти**, яко аще **нынѣ** доброты мира не оставимъ, но **послѣже** умирающе всяко оставимъ, многажды же и имже не хошемъ, якоже глагола Сѣборникъ, то почто убо мамоны сея не оставимъ, да Царство Небесное приемемъ. Ни събирати же сего, кто нас помысла приемлетъ, кое бо приобретение то събирати, егоже не воземлемъ съ собою? Почто паче оного не притяжимъ, еже воземлемъ съ собою, яже суть смыслъ, правда, цѣломудрие, разумъ, нищелюбие, вѣра иже во Христа, безгнѣвие, страннолюбие? Сих приобретаю **здѣ**, обрящемъ и **тамъ** предъ нами, творяща намъ обитель на земли кроткихъ и, творяще сиа, не стужаемъ си, ни лѣнимся. Наипаче помышляютъ иже раби Господни, хотящи быти и Богови работати, якоже раби в мирѣ **сѣмъ** не смѣютъ глаголати господемъ своимъ: «Понеже вчера дѣлахъ, не дѣлаю днесъ», — ни пришедшаго времени вѣмѣняють, но по вся дни то же тѣшание показываютъ, якоже въ Евангелии пишетъ, да господемъ своимъ угождать и бѣды не примутъ. Также и **мы** по вся дни пребываемъ въ въздержании, вѣдуше, аще и единъ день разлѣнимся, не мимошедшаго ради времени Господь нас проститъ, но разлѣненнаго ради разгнѣвается на ны». <...>

Се сказашу Антонию, вси радовахуся, и овѣхъ желание добродѣтельное распаляше, овѣхъ же от немощения утверждашеся, и инѣхъ величание престааше.

В рукописи поучение Антония занимает в целом 18 листов! Однако несмотря на столь большой объем, поучение обладает в Житии четкой текстовой рамкой, вводящей прямую речь старца: «глаголаше имъ египетски сице» — «се сказашу Антонию». Рамка эта включает непосредственно глаголы говорения и грамматически маркирована имперфектными формами глаголов: «бѣаше», «глаголаше», «радовахуся», «распаляше» и т. д. Резкая смена в грамматическом строе (при переходе от прошедшего времени к настоящему и вновь к прошедшему) — один из маркеров смены типа дискурса. Повествование сменяется поучением, которое принципиально отличается от окружающего контекста.

Отличается, во-первых, изменением прагматической ситуации: речь от лица повествователя-агиографа трансформируется в оформленное как прямое высказывание иного субъекта речи — преподобного отца, — которое направлено к некоторому количеству адресатов с определенным статусом и интенциями.

Во-вторых, изменением структурной модели дискурса, которая характеризуется ограниченным набором специфических вербальных средств, соответствующих параметрам коммуникативной ситуации, а именно:

1) присутствием неоднократно повторяющихся конструкций с модальностью долженствования и необходимости типа «подобает + Дат. падеж + инфинитив»;

2) наличием дейктиков, актуализирующих ситуацию «кто, когда и где» (личных местоимений «азъ», «вы», «намъ», «мы», «васъ», которые формируют прагматическую рамку адресата и адресанта; наречий «нынѣ» — «послѣже» и «здѣ» —

«тамо», образующих оппозицию «земная жизнь — жизнь вечная», которая служит одним из текстообразующих мотивов в поучении Антония;

3) присутствием ряда императивных форм типа «терпите», «взрастим», «не стужаем си», эксплицирующих личное и коллективное волеизъявление в рамках формулируемого принципа поведения, организации действий, т. е. регулятива;

4) насыщенностью текста общереферентивными конструкциями типа: «все бо житие челоѡческо кратко есть, съмѡряемо съ будущими вѣки, и все время житиа нашего ничтоже есть противу вѣчнѣи жизни»; «не точны бо страдания нынѣшняго времени, хотящей слаѡ быти подвижающимся»; «вся земля имѣние малѣише есть противу небесныхъ благъ», «обѣтование же вѣчныя жизни малымъ чимъ купуется». Для подобных конструкций характерна высокая степень обобщенности, неопределенности в пространственно-временном отношении предмета действительности и самого действия. Глаголы в таких конструкциях стремятся к генерализации семантики за счет «всевременного» настоящего времени, а высказывания в целом имеют характер умозаключения, сентенции, афоризма, функция которых заключается в обобщении и осмыслении информации, соотносимой с универсальными законами мироустройства, с универсальным фондом знаний и особенностями коллективного опыта определенной социальной группы;

5) к указанным особенностям примыкают специфические мотивы, участвующие в оформлении семантической структуры текста, в которой немало важную роль играет ряд концептов, обусловленных аскетической тематикой и эксплицированных на языковом уровне с помощью лексики близких семантических полей: «отречение», «подвиг», «искушение», «молитва», «страсть» и т. п. (ср. лексемы и синтагмы «оставимъ», «въздѣржание», «въ трудѣхъ», «отъ мира отъмещуе», «въ подвижѣ пребывающе»).

Поучение Антония включает в себя и прямое обращение к ученикам, и призыв к совместному действию, и описание универсального и личного опыта. Что избирает из этого поучения для Жития Павла русский агиограф и что представляет собой его новый текст?

1.4. Его текст представляет собой своеобразную «выжимку» из претекстов, он прибегает к компрессии, сжатию первоначального текста, используя при этом ряд перечисленных выше характерных конструкций, например, типа «подобает + Дат. падеж + инфинитив», императивов и общереферентивных конструкций.

Житие Павла Обнорского, л. 493 об.—494
Тѣмъ и усерднѣ наказуаше (Сергий. — М. Е.) его истинному пути спасения. Онъ же всю волю свою отвергъ, въ всемъ свягата послушаше безъ рассуждения. Сие бо прежде всего подобаетъ постризающимся , вначалѣ не имѣти своя воля , но держати послушание и смѣреную мудрость и ждати присно часа смъртнаго, всегда молящеся. Такожде и тѣлеснѣ подобаетъ трудитися чернцемъ, паче же юннымъ всегда празднымъ не быти и не послабляти, ни стужати си въ трудѣхъ, ниже отъ мира сего отходяще, мнимъ, велико что отъмещуе. Но сие подобаетъ намъ помышляти , яко аще нынѣ пребывании мирскихъ не оставимъ, нѣ послѣжде умирающе всяко оставимъ, аще и не хошемъ. Того ради тлѣннаа оставляемъ, да Царство Небесное примемъ. Тѣмже подвижающеся не стужаимъ си, ни лѣнимся , нѣ по вся дни пребываемъ въ въздержании, не точна бо суть страдания нынѣшняго врѣмене, хотящей слаѡ быти подвижающимся. И сия вѣды, преподобныи Сергие повелѣ блаженному Павлу службы монастырскаа проходить и тружати въ магерницѣ и въ хлѣбопещницѣ, и въ прочихъ послуженияхъ зъ братиями.

Выделенные в таблице полужирным шрифтом синтагмы, непосредственно примыкающие к тексту фрагмента, формируют его повествовательный контекст, некую нарративную «рамку», ярко маркированную глаголами в форме прошедшего времени (имперфект «послушаше» в начале, аорист «повеле» в конце цитируемого отрывка). Все, что находится внутри этой «рамки», — принципиально иной типологически текст. Обратим внимание на то, что, в отличие от претекста, в данном фрагменте отсутствуют текстовые сигналы прямой речи. Наоборот, в конце отрывка агиограф подчеркивает, что все вышесказанное — это некое общее знание, это не речь старца, обращенная от первого лица к ученикам, как в житиях Евфимия и Антония Великих. Здесь отсутствуют указания на субъект речи, присутствует только максимально обобщенное «мы», т. е. группа людей, о которой идет речь. Отмеченные в тексте императивные формы также обращены к чрезвычайно обобщенному адресату. Скомпилированный из ряда заимствованных фраз текст внутри нарративной рамки не приписывается агиографом ни Сергию Радонежскому как учителю, наставнику, ни Павлу. Он является очевидным инодискурсом в рамках житийного дискурса, обладая целым рядом расхождений в наборе дискурсных признаков с окружающим традиционным житийным повествованием.

2. Подобное «нарушение» нарратива в Пространной редакции Жития отнюдь не является исключением. Рассмотрение аналогичных случаев в этом тексте позволит нам более точно определить круг маркеров полидискурсивности, которые обозначают границы разнотипных областей текста, и уточнить их роль в формировании целостного агиографического текста. Рассмотрим еще один фрагмент текста.

Житие Павла Обнорского, л. 510—511	Источники
<i>Братиа же, видяще его изнемогающа, моляху того, да почивает прочее. Он же не повиновашеся, глаголя: «Ни, чада. Должни убо есмы не токмо здравии, нъ и боляции всегда съ усердиемъ приносити славословие Богу, елико мощно. И вы, братие, молю вы: подвизаетеся нельностно, имьюще страх Божии, и не точию о дьлхъ добрых тичитеся, но и от словесъ неподобных, и от помыслъ лукавыхъ съхраняетеся, и от всякого сквернаго привидѣнія умъ отвращаимъ. и мысли плотскихъ сластей отганяимъ, [приемлющи бо помыслы плотскихъ сластей], прикасающися тьлеси умом, любви творят. Того ради велми съхраняетеся от сих. / Аще бо не подвизаемся мужскы къ прилогу страстныхъ помыслъ, но сии побьдятъ ны, и привлекутъ к неподобнымъ сластемъ, преступници тогда своихъ обьщании обрящемся и выправду осуждени будемъ, яко вѣдающе и творящеи злая. / Егда бо кто нерадитъ и разслабѣтъ помыслъ, и тогда волею съгрѣшитъ Господеви, и проженетъ от себѣ благодати духовныя освящение, и пречистыи Владыка оставитъ и, ивселится нечестивыи, и с нимъ виднетъ похоть злаа, оскверняющеи окаяннаго всегда. Приложением</i>	<i>Братиа же, видяще его изнемогаща, моляху того, да почивает прочее. Он же не повиновашеся, глаголя: «Ни, чяда. Должни убо есмы не токмо здравии, но и боляции всегда съ усердиемъ приносити славословие Богу, елико мощно. И вы, братиа, подвизаетеся нельностно, имьюще страх Божии, и не точию о дьлхъ добрыхъ тичитеся, но и от словесъ неподобных, и от помыслъ лукавыхъ съхраняетеся (Житие Феодора Сикеота. — Соборник 3. С. 437). <...> И от всякого сквернаго привидѣнія умъ отвращаимъ, и мысли плотскихъ сластей отгоняемъ. Приемлющи бо помыслы плотскихъ сластей, и прикасающися тьлесемъ умомъ любви створяютъ въ сердцихъ своихъ. Того ради велми съхраняетеся от сихъ... (Житие Евфимия Великого. — Соборник 3. С. 276). Аще бо не подвизаемся мужскы къ прилогу страстныхъ помыслъ, но сии побьдятъ ны и привлекутъ к неподобнымъ сластемъ. Преступници тогда своихъ обьщании обрящемся и достоинъ осуждени будемъ (Житие Симеона Столпника. — Соборник 3. С. 57).</i>

бо раждизают бѣси брань, всеоружие имуще исполнение чрева, и слагааися мыслем блуда и не каися от сих без мѣры мучен будет въ время разлучения. Тѣмже, братие, аще кии помысль суетен от общаго всѣх врага нанесется, не облѣнитесь помолитися к Богу прилѣжно, и постом, и молитвою, бдѣнием же и слезами еже наединѣ въскоре изгоняти тошнѣ подвижающесе и съ страхом и трепетом свое спасение сѣдѣвайте, да възможете избавитися сѣтеи вражиих и съблзнь и страстей, и съгрѣшением нашим оставление получим». Сицева къ своим его учеником наказания, и сице къ полезным братию наставляше. Въ субботу же и в неделю приходяше блаженный въ обитель пѣния ради Божественныя литургия...	
---	--

В основе этого поучения Павла Обнорского лежат четыре фрагмента из житий Феодора Сикеота, Евфимия Великого и Симеона Столпника Младшего (Дивногорца). Заключительная часть поучения также, скорее всего, является «чужим» текстом, источник которого пока, к сожалению, нам обнаружить не удалось.

В отличие от прежде рассмотренного фрагмента Жития Павла, в котором мы усматриваем признаки ненарративного дискурса, данное поучение помещено в четкий прагматический контекст: это прямая речь святого, выделенная с помощью традиционных сигналов «чужой» речи («Он же не повиновашеся, глаголя...» — «Сицева къ своим его учеником наказания, и сице къ полезным братию наставляше»). Резкая граница между повествованием от лица агиографа и прямой речью преподобного старца подчеркнута отрицательной частицей «ни» и обращением к ученикам «чада». Далее в поучении дважды Павел обращается к слушателям «братие», и каждое из этих обращений изначально принадлежит гетерогенным фрагментам-«лоскутикам», из которых сконструирована речь святого. Семантическая структура этого «вторичного» по происхождению, но вполне целостного с точки зрения своего нового контекста поучения включает несколько ключевых сфер, о которых уже шла речь ранее.

Во-первых, это сфера необходимости и долженствования, эксплицированная конструкцией «должни есмы (...) приносить славословие Богу» и гораздо более частыми императивными формами, рассредоточенными по всему фрагменту («подвизайтесь», «сохраняйтесь», «не облѣнитесь», «сѣдѣвайте»). Эта императивная ситуация, если использовать термин функциональной грамматики, заключается в особой деятельности субъекта речи, в его управляющем воздействии на адресата речи, которая направлена на изменение действительности, на появление новой действительности. «Молю вы», — говорит Павел своим ученикам, однако не исключая себя из этой новой действительности, что выражено рядом глагольных форм со значением совместного действия.

Во-вторых, сфера общей референции, которая, очевидно, связана с фиксацией некоего особого опыта и знания: «Приемлющи бо помыслы плотских сластей, прикасающися тѣлеси умом, любы творят». Глагольная форма настоящего времени в таких конструкциях обладает, собственно говоря, атемпоральным значением; действие, обозначаемое этой формой, не локализовано

во времени и пространстве и обладает высокой степенью неопределенности, а индикатив указывает на достоверность передаваемой информации, ее адекватность объективной реальности.

В-третьих, тематическая сфера, строящаяся на специфической семантике лексических единиц и устойчивых словосочетаний, типичных для текстов, связанных с аскетической тематикой. «Прилог страстных помысль», «преступници своих общании», «слагааися мыслем блуда», «тощнѣ подвижайтеся», «и постом, и молитвою, бдѣнием же и слезами» — все эти вербальные средства обусловлены концептуально-ценностной сферой «монашеский подвиг», лейтмотивом всего поучения является борьба со страстями, с «бѣсовскими приложениями».

Таким образом, структурно и семантически данный фрагмент подобен (хотя и не тождественен по некоторым текстовым параметрам) рассмотренному раньше отрывку из Жития Павла. Следует отметить при этом, что подобные поучения преподобных отцов в переводной агиографии и в оригинальных русских житиях до начала XVI в. нельзя назвать широко распространенными. Из житий преподобных, включенных в состав «Соборника» Нила Сорского, только четыре текста содержат такого рода «инодискурсы», всегда оформленные как прямая речь святого с точными сигналами ее включения в нарративный текст: это жития Антония Великого, Евфимия Великого, Симеона Дивногольца, Пахомия Великого.

2.2. Приведем несколько примеров из переводных житий, которые призваны продемонстрировать однотипность подобных поучений в гетерогенных текстах, принадлежащих к одному субжанру.

Житие Евфимия Великого (Соборник 3. С. 267—268)
Видѣ бо обуздавша их диавола и влекуша в сѣть смертную, и призвавъ ихъ преподобныи, учяше прилѣжно о терпѣнии, сказая имъ, яко «вездѣ подобаетъ съхранятися, идѣже аще есмы, и Божию помощь призывать. Адамъ бо въ рай сый и преступи заповѣдь Божию, Иовъ же, на сметиши сѣдя, съхрани ю. Не подобаетъ убо намъ злыхъ помышлении примати, печали намъ и ненависти на мѣсто и на живущихъ съ нами творящимъ и уныние всѣвающихъ или на мѣсто прешествие, но подобаетъ намъ на всякъ чась трезвомъ быти и отъ дѣлъ бѣсовскихъ умъ отлучати, да не прехождениемъ нашимъ отъ мѣстъ добродѣтели уставъ разоримъ, древо бо чысто пресажаемо плода не творитъ, тако же и чернецъ плода не приносить, отъ мѣста на мѣсто преходя. Аще убо покусится кто добродѣтель створити на мѣстѣ, идѣже живетъ, и не възможеть, да не мнитъ, яко индѣ исправитъ ту, не мѣсто бо ся ищетъ, но изволение благое».

Житие Пахомия Великого (Соборник 3. С. 519—520)
Отъ братей убо нѣкии въпрашаютъ святаго, что убо, яко прежде наитиа крамолюющаго бѣса цѣло имуще умное мудрование, о въздержании и смиренномудрии и иныхъ добродѣтелехъ любомудреумъ, времени же зовущу дѣломъ мудруемая показати, сирѣчь долготерпѣние въ время ярости, непомнение злу въ время гнѣва, нетщеславное мудрование хвалѣ предлежащи, и ина таковая многа не можемъ. Къ нему же отвѣща святѣи, рекъ тако: «Понеже свершенъ добродѣтель не проходимъ, сего ради всяко бѣсовское наитие не разумѣмъ, ниже крамолу и навѣтъ его, острѣишимъ зрѣниемъ душа отринуты можемъ и предлежащую молву таковыхъ помышлении отрѣзати. Тѣмъ же нужа по вся дни и часы зрительную часть души, якоже масломъ, поляяти Божиимъ страхомъ, иже дѣйствомъ сый творитовникъ и свѣтилникъ зрѣнию къ прилагаемымъ намъ отъ врага. Недвижимъ убо умъ нашъ съдѣваетъ къ гнѣву и ярости и злопомнению и инѣмъ коимъ любо на злобу ведущимъ страстемъ. Зрителень же и преложень къ бесплотнымъ странѣ створи, иже отъ бѣсовъ дѣйствуемая преобидѣти творитъ и съ дерзновениемъ наступати устраетъ, по писанному, на змиа, и скорпиа, и на всю силу вражию». Сия тому къ братии вѣщающу и явѣ брани вражиа подписующу...

Отроча же начат глаголати къ старцу и прочимъ черноризцемъ:

«**Благочестивии помысль** есть обдержай челоуѣка, **утверждаетъ** его претерпѣвати находящая скорби и мысли же неподобныя ты отвращати **учить**, да не удержимся ими. Также и въ теле двизающаяся страсти **утоляетъ**, понеже связанъ есть с тѣломъ, Богъ бо исперва створи челоуѣка самовластна и умъ в немъ владыку постави, правяща и рассматривающа вся бывающаа намъ благыя и злыя помыслы. И ни единъ же есть, иже не разумѣваетъ полезныхъ и неполезныхъ, того ради вѣдающе и творящеи злая не избѣжать будущаго суда и мучения. Аще бо не **подвизаемся** мужьскы к прилогу страстныхъ помыслъ, но сии побѣждать ны и привлечь къ неподобнымъ сластемъ. Преступници тогда своихъ обѣщаний обрящемся и достоинъ осуждени будемъ. Никтоже бо нас не имать желанія по естеству намъ сему сушу, а еже не впасти въ сласть неподобную (...) Обиadenия же и пианства, и иная гнушения бываема от сихъ, постомъ и прочимъ труднымъ дѣланіемъ и непрестанною молитвою **възразимъ**, тѣмъ же и лихоимства **отвратимся и възненавидимъ**. Сего бо и ветхій законъ възбраняетъ, не повелѣвая нечему же възсхотѣти ближняго своего, гордыню же, злую страсть и тщеславие, и иныя подобныя симъ далече **отженемъ**, жестоко житіе и нужное любяще, тѣснаго и прискорбнаго пути **держимся**, сладостное и любоплотное отрѣвающе, пространнаго и широкаго пути **удаляемся**, понеже Господь нашъ глаголетъ: “Нужно есть Царство Небесное, и нужници възхищаютъ его, и тѣсныи и прискорбныи путь ведетъ в животь вѣчныи”. Того ради **възненавидимъ** грѣховное житіе, добродѣтельное же **възлюбимъ**, послѣдующе святыхъ отецъ пребыванию и трудомъ, да страсти свободни бывше, и мукъ **избудемъ** и вѣчныхъ благъ **получимъ**. Свободою бо свободи насъ Христосъ Богъ нашъ, иже и съхранитъ насъ всѣхъ въ славу величества Его намъ въ смиреніи пожити и пространнымъ и широкимъ путемъ пошедшимъ, егже глаголетъ в пагубу ведуща».

Сиа ему изыглаголавшу, рече старецъ...

Во всехъ трехъ примерахъ мы видимъ обязательную нарративную рамку, в которой контрастируетъ предшествующий контекстъ с его повторяющимися глагольными формами в прошедшемъ времени и новый контекстъ прямой речи, где постоянно сплетаются все те же три семантические сферы долженствования и необходимости, общей референции и аскетической тематики, эксплицированные рядомъ однотипныхъ грамматическихъ и синтаксическихъ конструкций, а также устойчивыхъ лексическихъ средствъ, ярко коннотативно окрашенныхъ. Наибольший интересъ вызываетъ заключительный примеръ изъ житія Симеона Столпника Младшаго, где с поучениемъ выступаетъ не умудренный духовнымъ опытомъ старецъ, а, наоборотъ, отрокъ, обращающійся къ старцамъ, чей опытъ оказывается незначимъ по сравненію со знаніями, которые онъ имъ демонстрируетъ. Парадоксальность ситуации нисколько не влияетъ на формально-содержательную структуру поучения. Этотъ текстъ примечателенъ темъ, что гармонично сочетаетъ в себѣ трансляцію опыта и воздействие на адресата. Детальный характеръ описанія борьбы со страстями, представленнаго уже знакомыми намъ формами индикатива глаголовъ настоящаго времени безъ какихъ-либо квантификаторовъ времени и места, но с акцентомъ на всевременность, универсальность ситуации, придаетъ всему поученію тотъ оттенокъ парадоксализма, который связанъ с прагматической ситуацией его произнесения. Сосредоточенные во второй части поучения императивные формы совместнаго действия типа «възразимъ, отвратимся, держимся» и т. п., очевидно, являются однимъ изъ постоянныхъ дискурсивныхъ признаковъ.

2.3. Одно изъ поученій Павла в Житіи, возможно, также является компиляціей.

Всѣхъ бо яко отецъ любляше, о всѣхъ печашеся, о всѣхъ полезнаа промышляше, таково убо попечение духовное имаше о братии и яко свои удѣ миловаше всѣхъ, и собою исправляше, долготерпѣниемъ бо своимъ и смиренномудриемъ всѣхъ к любви привлекаше и **поучаше, глаголя:**

«**Чада**, елика есть крѣпость ваша, **подвизаетеся** о своемъ спасении, прежде даже не придетъ врѣмя, въ неже хошемъ неуспѣшно плакати. **Аще нынѣ облѣнимся**, аще ли речете: “Немощни есмы”, но **ты** токмо по своей силѣ начало подвигу **сътвори**, якоже можеша. И видя Богъ подвигъ твой, дасть ти помощь и на прочая благаа дѣла. Сиа слышаше, **любимии, въспрянемъ** акы от сна, **пойдемъ** узскимъ путемъ, ведущимъ ны въ Царство Небесное, **владимъ** тѣлеса своя на трудъ, и на постъ, и на молитву, на въздержаніе и поклоны. Нужно бо есть Царство Небесное, и нуждающіися въсхыщаютъ е. Да почто не сжалимся, яко своею лѣностью лишаемся вѣчныа жизни! **Нѣ понудимся, молю вы**, въ кратѣмъ семь вѣщѣ, **не лѣнимся, братіе, и не угаждаимъ** тлѣнному сему тѣлу, **ни**, яко безсмертни мнящеся, **предамыся** похотемъ житіа сего. Иже бо житію сему вдасться, тои врагъ Божии бываетъ и пагубникъ души своей. **Разгнѣмъ** убо книги и **прочтѣмъ** житіа святыхъ отецъ, да **увѣимъ** пребываніе благаго ихъ житіа. Колика има быша исправленія, колико смѣрненіе, и изможданіе, и озлобленіе, и уничиженіе, како тихостію и житіемъ чистымъ пожиша, бдѣнемъ и молитвою съ покааньемъ многымъ и слезами. **Да аще и мы сие не потерпимъ, то ни понѣ когда оправдимся**».

Сиа слышавше, братіа и отци, на скрыжалехъ сердца вся напишемъ и съхранимъ потщимся, да не будутъ намъ въ осужденіе словеса сиа въ день суда.

Начало этого поучения соответствует первымъ словамъ Пахомія Великаго въ одномъ изъ его наставленій: «Старець же рече имъ: “Чада! Елика есть крѣпость ваша, подвизаетеся о своемъ спасении, прежде даждь не придетъ время, въ неже хошемъ неуспѣшно плакати. Аще нынѣ облѣнимся”...»⁸ Далее тексты поученій расходятся, а въ словахъ Павла въ его Житіи обнаруживаются очевидныя стыки между фрагментами изъ разныхъ источниковъ: «Аще нынѣ **облѣнимся**, аще ли **речете**: “Немощни есмы”, но **ты** токмо по своей силѣ начало подвигу **сътвори**, якоже **можеша**». Смена адресата (ср. глагольныя формы «облѣнимся», «речете», «сътвори») не останавливаетъ компилятора, по какимъ-то причинамъ этотъ текстъ не кажется ему бессвязнымъ, нецѣльнымъ. Возможно, потому, что агиографъ следуетъ избранной имъ модели дискурса — модели старческаго поученія братіи.

Использованіе этой модели, образцы которой находимъ въ некоторыхъ переводныхъ житіяхъ, известно и въ такомъ раннемъ русскомъ агиографическомъ текстѣ, какъ житіе Феодосія Печерскаго. Ср.: «**Молю вы убо, братіе, подвижнѣмъся** постѣмъ и молитвою, и **попычѣмъся** о спасеніи душъ нашихъ, и **възвратимъся** отъ злѣбѣ нашихъ и отъ путей лукавыхъ, яже суть сии: любодѣянія, татѣбы и клеветы, празднословія, котеры, пиянство, обиѣданіе, братоненавидѣніе. Сихъ, **братіе, уклонимъся**, сихъ **възгнушаймъся, не осквърнавимъ си** душа своя, **нѣ поидѣмъ** по пути Господню, ведущимъ ны въ породу, и **възищѣмъ** Бога рыданіемъ, слезами, пощеніемъ и бдѣніемъ, и покореніемъ же и послушаніемъ, да **такъ обрящемъ** милость отъ него. Еще же **възненавидимъ** міра сего, всегда поминающе о семь Господа, рекъшааго: “Аще кто не оставитъ отѣца и матере, и жену, и дѣтей, и селѣ Мене ради, Еуанглія, нѣсть Ми достоинъ”, и пакы: “Обрѣтый душу свою погубитъ ю, а погубивъ ю Мене ради — спасетъ ю”. Тѣмъже и мы, братіе, отрѣкшеся міра, **отъверзѣмъся** и сущихъ въ немъ, **възненавидимъ** же всяку неправду, еже мързѣкааго не сътворити, и **не обратимъся** на прѣвѣя грѣхы, якоже и пси на своя бльотины. “Никѣтоже бо — рече Господь — възложь руки своя на рало и обратъся въспятъ, управленъ есть въ Царство Не-

⁸ Цит. по: Соборникъ 3. С. 553.

бесное”. Како же мы убѣжимъ муки бесконѣчныя, конѣчающе время жития сего въ лѣности, а не имуще покаяния? **Лѣпо бо намъ есть**, нарекъшемся чърнцемъ, то по всѣя дѣни **каются** грѣхъ своихъ: **покаяние бо есть путь**, приводя къ царству, **покаяние есть** ключъ цесарства, бес того бо неудобъ вѣлѣсти никому. **Покаяние есть** путь, вводя въ породу, того пути, **братие, дръжимься**, на томъ **пригвоздимъ** плеснѣ и стопы, къ тому бо пути не приближается змий лукавый, того бо пути шѣствия суть прискърбѣна, а послѣдъ радованѣна. Тѣмъже, **братие, подвигнѣмся** преже дѣни оного, **да получимъ** благая она, избѣгнѣмъ же всѣхъ хотящихъ быти на неродивыхъ и не въ покаянии живущихъ». ⁹

Такая обширная цитата нам понадобилась, чтобы продемонстрировать реализацию рассматриваемой текстовой модели в Житии Феодосия в полном объеме. В этом поучении мы обнаруживаем те же характерные общереферентивные, императивные конструкции и конструкции с модальностью долженствования «подобает + Дат. П. + инфинитив», что и в приведенных выше фрагментах переводных житий преподобных и Жития Павла Обнорского.

У нас есть основания полагать, что эта текстовая модель основана на ненарративном типе дискурса, широко представленном в многочисленных аскетических сочинениях святых отцов: Василия Великого, Исаака Сирина, Диадокха Фотийского, Исихия, Никиты Стифата, Симеона Нового Богослова, Нила Синайского, Дионисия Псевдо-Ареопагита, Иоанна Синайского, Максима Исповедника и др.

3. Прагматическая ситуация создания, восприятия и интерпретации святоотеческих аскетических текстов во многом совпадает с ситуацией поучения старца братии в житиях преподобных и обуславливает их типологически близкое, если не аналогичное строение. Аскетический дискурс, характеризующийся определенной прагматической ситуацией, своим функциональным предназначением, совокупностью устойчивых структурных схем, их концептуально-ценностным наполнением, обнаруживает множество совпадений с житийными поучениями преподобных отцов братии основанных ими монастырей.

3.1. Сравним, например, следующий фрагмент из 6-го поучения Исаака Сирина по рукописи РГБ, ф. 304.1 (собр. Троице-Сергиевой лавры), № 173, XV в.

Слово 6 Исаака Сирина, л. 55—55 об.
Аше же в[не]запу великы ради добродѣтели в страшнаа искушения впадетъ челоуѣкъ и не стрѣпит, ниже съврѣшити добродѣтель может, не подобает намъ лицеприемати ниже наше самѣх, ниже иных, ниже ради страха оставити благородную и честную вещь, в неже животъ душевный хранится, и вины приносити, и преданиа, слабости, сирѣчь, помолитися не внити въ искушение. О сичевых бо речеся, яко заповеди ради таи сыгрѣшаут. Аше убо случится челоуѣку, и наидеть ему искушение, и понудиться раздрушити едину от заповѣдей моихъ, сих, рекше, оставити цѣломудрие или иночское житие, или отврѣчися вѣры, или не подвижится Христа ради, или просто единой упразднитися от заповѣдей, сеи, аше убоится и не съпротивъ станеть къ искушениемъ, отпадетъ истины. Прочее отнынѣ всею силоу не брѣзьмъ о телѣси, и прѣдѣлѣмъ Богу души, и внидемъ именовемъ Господнимъ въ подвигъ искушений.

⁹ Житие Феодосия Печерского // БЛДР. СПб., 1997. Т. 1. С. 382, 384.

Совмещение на узком текстовом пространстве императивных и общереферентивных конструкций, использование характерных оборотов с модальной семантикой «подобает + Дат. падеж + инфинитив», презенсные глагольные формы, а в дополнение к этому условные конструкции «еще... то...» — это те самые языковые средства, которые мы неоднократно встречали в житийных поучениях преподобных отцов. То же касается и содержательного наполнения схемы, где мы находим такие понятия, как «искушение», «цѣломудрие», «страсть», «иноческое житие», «подвиг», «живот душевный», которые, безусловно, являются частотными элементами концептуально-ценностной структуры и аскетических текстов, и житийных поучений старцев, обращенных к ученикам.

Главным определяющим признаком аскетического жанра С. С. Хоружий назвал «его *опытный характер*. Аскетический жанр обслуживает Духовный Процесс, сферу определенного опыта, и обслуживает ее всесторонне, доставляя: детальные аналитические описания Процесса на всех его стадиях; наставления и указания для участия в Процессе; необходимые дополнительные сведения — о возможных трудностях и опасностях, о той модели человека и мира, в рамках которой толкуется Процесс».¹⁰ Интериоризация личного духовного опыта, разнообразные способы его вербализации и истолкования в русле святоотеческой Традиции — возможно, главные категориальные признаки аскетического дискурса наряду с яркими, легко читаемыми маркерами взаимодействия автора и его адресата через текст.

Поучения Исаака Сирина и других отцов-аскетов служили для русского средневекового читателя образцом этого особого типа дискурса, характерные черты которого еще предстоит определить в дальнейших исследованиях. Древнерусские иноки, переписывавшие сочинения Исаака Сирина в константинопольских, афонских, русских монастырях, не просто находились в едином вероучительном пространстве со святыми отцами, но и овладевали единым кодом описания и истолкования духовного опыта. Благодаря единому коду и единым целям становилось возможным живое, глубокое общение автора и читателя через текст, так же как и особое «действие» текста в реальном опыте читателя.

Важно учитывать при этом, что русская письменная традиция не донесла до нас оригинальных аскетических сочинений, «вызревших» в лоне собственно русского христианства. Редким исключением на этом фоне выглядят русские по происхождению краткие анонимные «слова» (поучения), регламентирующие монастырский распорядок в лаконичной форме, монастырские уставы, частично соприкасающиеся с аскетическими текстами, и — «Устав» преподобного Нила Сорского. Последний текст предлагает исследователю едва ли не единственный пример целостного, сложного по структуре русского аскетического сочинения. «Устав» построен на органичном слиянии оригинального текста и постоянных интертекстуальных отсылок к авторитетным отцам-подвижникам, в том числе и к «Постническим словам» Исаака Сирина.

3.2. Неслучайными в таком случае выглядят обнаруженные нами в Житии Павла Обнорского уникальные для древнерусской агиографии скрытые цитаты из аскетических сочинений Исаака Сирина.

¹⁰ Хоружий С. С. К феноменологии аскезы. С. 231.

Житие Павла Обнорского, л. 496—496 об.	Слово 23 Исаака Сирина, л. 139—139 об.
<i>И аще, рече, ползует зръние и бесѣда братеи, но сице не ползуетъ еже бесѣдовати им, якоже еже бѣжати от них <...> И сего ради к великому Арсению от Господа речеся: «Арсение, бѣжи, молчи, безмолствуй, то бо суть коренниа несъгрѣшению», — и паки: «Бѣгаи от чловѣкъ, да спасешия». И аще убо Богъ повелѣ нам бѣжати, то кто можетъ съпротивъ стати и рещи прямо Божественному гласу? Аще бо съвершеннымъ полезно бѣжание и хранение, колми паче не могущему себе съхранити добръ?</i>	И глаголетъ: «Бѣжи, млъчи, безмлъвъствуи». И аще, рече, много плѣзуетъ зръние и бесѣда братеи, но сице не плѣзуетъ тя еже бесѣдовати имъ, якоже еже бѣжати от нихъ <...> Еда бо кто можетъ съпротивъ стати и рещи прямо Божественному гласу? <...> Аще же Антонию и Арсению полезно бѣжание и хранение, колми паче немощнымъ? Да аще сихъ, ихже трѣбоваше весь миръ и словесе, и помощи тѣхъ, и почте Богъ, еже быти имъ въ безмлъвьи, множае заступления всего чловѣчества, колми паче не могущему себе съхранити добръ?

Следует отметить, что во второй половине XV—XVI в. в Кирилло-Белозерском монастыре буквально тиражируются поучения сирийского святого, сам Нил Сорский неоднократно цитирует тексты Исаака, ученик же Нила — Гурий Тушин — создает список Постнических слов отца-аскета VII столетия в самом начале века шестнадцатого.¹¹ Изображение Исаака Сирина, согласно описи Кирилло-Белозерского монастыря 1601 г., находилось на парной иконе, расположенной во втором ряду своеобразного «иконостаса», который был устроен братией на северной стене рядом с гробницей преподобного Кирилла.¹² Именно сочинения Исаака Сирина, наряду со столь же популярными в среде русского монашества текстами Иоанна Лествичника, Нила Синайского, Петра Дамаскина, Василия Великого, Григория Синаита и других святых отцов, предлагали русскому средневековому агиографу образчики разных типов аскетического текста. Мы полагаем, что важной особенностью Жития преподобного Павла является как раз постоянное введение в текст явно аскетического дискурса, контрастирующего с основным нарративом.

Рассмотрим, каким образом входит аскетический текст в повествовательную ткань, на том же примере, несколько расширив агиографический контекст.

Житие Павла Обнорского, л. 496—496 об.
Но якоже прежде глаголах, попремногу бѣ любя безмолвие, тѣм и спону си творяше от приходящая братиа и пресѣцающихъ ему безмолвие. И аще, рече, ползует зръние и бесѣда братеи, но сице не ползуетъ еже бесѣдовати им, якоже еже бѣжати от них. Яже бо в пустыняхъ молва ничѣмъже градскихъ мятежъ разньствуетъ. Сии бо и съвершеннымъ пакостити обыче и безстрастныхъ. И сего ради к великому Арсению от Господа речеся: «Арсение, бѣжи, молчи, безмолствуй, то бо суть коренниа несъгрѣшению», — и паки: Бѣгаи от чловѣкъ, да спасешия». И аще убо Богъ повелѣ нам бѣжати, то кто можетъ съпротивъ стати и рещи прямо Божественному гласу? Аще бо съвершеннымъ полезно бѣжание и хранение, колми паче не могущему себе съхранити добръ? И сего ради врагъ всякую кознь творит, да от безмолвия отженет чловѣка и да впадет в мятежъ. И отсюду вину обрѣтает врагъ, еже побѣдити его, и плѣнена приемлет окааннаго. Понеже мольва виновна есть помрачению умному, и от многоглаголанья и словесньишии умъ смущается. Тѣмъже съвершены чловѣкъ и богоугодно живый хранит присно языкъ, вся бо злаа тѣмъ бываютъ. Сиа въды блаженный Павел, паче же от Святаго Духа въразумляем, моляше великаго Сергия, яко да благословит его жити въ пустыни.

¹¹ Рукопись РНБ, Кирилло-Белозерское собр., № 64/189, 1489—1506 гг.

¹² Мельник А. Г. Визуальная репрезентация культа святого Кирилла Белозерского в основанном им монастыре в XV — начале XVII в. // ТОДРЛ. СПб., 2016. Т. 64. С. 369.

Выделенные в начале и конце фрагмента синтагмы относятся к собственно повествованию, принадлежность их к нарративу маркирована имперфектными формами глаголов 2-го лица ед. числа «творяше» и «моляше». Внутри этих рамок находится текст, принадлежащий к другому типу дискурса, причем это не прямая речь Павла, как в предыдущих примерах, а косвенная, введенная в текст с помощью лексемы «рече». Обратим внимание на то, что высказывания типа «понеже мольва виновна **есть** помрачению умному, и от многоглаголения и словеснѣишии умъ **смущается**» являются основной структурной единицей аскетического дискурса. И именно ими пользуется русский агиограф, цитируя преподобного Исаака Сирина: выделенная курсивом синтагма является неточной цитатой 8-го слова Исаака («от многословия бо смущается и словеснѣишии умъ»).¹³ Для аскетического дискурса характерен генеритивный регистр, так же как и презенсные глагольные формы, императив и другие формы выражения модальности (такие как «подобает», «должен есть», «полезно», «лѣпо», «может» и т. д.).

Следует обратить внимание на то, что подобные фрагменты размером от одной фразы до развернутых «текстов в тексте» встречаются во всех частях Жития Павла, преобразуя традиционный житийный нарратив в некий сплав агиографического и аскетического текстов, что совсем не характерно для русской агиографии и достаточно редко встречается в византийских житиях. Типологически подобные фрагменты являются аскетическим текстом не только благодаря ярко выраженной аскетической тематике, но и за счет четко отбираемых языковых средств. Однако маркеры прямой речи — такие как «глаголя», «наказаше», «поучаа», «сицева наказания» — сопровождают именно монологи преподобного Павла, тогда как в остальных случаях сигналы интекста отсутствуют. Один из примеров: **«Он же от всѣх Божию благодатию съхранен бысть. Иже бо единомыслиемъ ума упование свое на Бога възложше, аще и скорбнаа постраждут, обаче невръждаеми бывают и непреборими. И что убо есть блаженнѣишее или похвалнѣишее душа оны, иже себе вседушно Богови възложившую и Того заповѣдем послѣдующая? Поистинѣ таковии врагом страшнии и всѣм дивни, горѣ бо зрят. Обычаи же имяше блаженни Павелъ...»** (Житие Павла Обнорского, л. 499). Внутри нарративной рамки, как видим, включен фрагмент, построенный по схеме аскетического дискурса, который может быть внедрен непосредственно в агиографический текст даже на уровне своих микроэлементов — специфических формул, источники которых с трудом могут быть идентифицированы.¹⁴

Системное включение в стереотипный рассказ о преподобном — основателе монастыря не просто монашеских топосов, но принципиально иного типа дискурса с его устойчивыми моделями (начиная с уровня микроформул, ключевых слов-концептов аскетики, до уровня специфической синтаксической структуры текста), выводит на первый план вопрос о преодолении текстом своих жанровых границ. Житие приобретает черты духовной беседы-завещания и

¹³ Постнические слова Исаака Сирина цитируются по ркп.: РГБ, ф. 304.I, № 173, л. 83 об.

¹⁴ Например, в Житии Павла Обнорского фраза «кромѣ конечнаго безмолвия и непрестанна молитвы не мощно угодити Богови» только отдаленно напоминает высказывание в 69-м слове Исаака Сирина: «Кромѣ бо неоскудна молитвы приблизитися Богови не можеш» (л. 382). В данной ситуации агиограф использует словесную формулу, которая и грамматически, и семантически является чрезвычайно репрезентативной для аскетического дискурса.

одновременно аскетического текста, прагматически связанного с вербализацией личного внутреннего опыта. Важным в этом отношении является мотив противопоставления «мы — они» в Житии преподобного Павла: мы (здесь и сейчас) — леностные, нерадивые, недостойные, презревшие монашеские обеты, — и они (там и тогда) — подвижники, «ничтоже от предания разорившие» и «к Божией любви весма себе издавшие». Этот мотив неоднократно акцентируется в тексте. Именно он, собственно, и завершает Житие, предваряя заключительную молитву, обращенную к преподобному Павлу.

Житие Павла Обнорского, л. 517 об.

Мы же не токмо от добродѣли, но и от самого спасения далече есмы, понеже гордостию друг на друга възхыщаемся, мнящесе быти высоци, и сего ради смирени есмы, понеже в волях сердець наших ходим, не имуще смѣренумудриа и долготерпѣния. Нѣ молю вы, потщимся противу силѣ подражателіе быти благоугождшим Богови, от слышания въ ревность их приводими! И нынѣ ликуим весело и празднуим отца нашего торжество радостно, хваляще добродѣтельныя его подвигы, и духовно веселимся, имущи пред очима преподобнаго раку, в неже положены быша святыя его мощи, подающе испѣления с вѣрою приходящим.

Заключительный фрагмент Жития сосредоточивает в себе не столько формулы, связанные с топосами похвалы-энкомия, сколько формулы, свойственные духовной беседе, монашескому наставлению братии у гроба ее основателя. Отметим, что фрагмент представляет собой текст от лица агиографа, обращенный непосредственно к насельникам монастыря.

Житие Павла Обнорского, л. 518—518 об.

И сиа **мы** **видящи**, **мним**, яко поистинѣ самого зрящи, ибо аще и въ гробѣ положен бысть святыи, но духом с нами и видит всѣх нас, аще по заповедем Божьим живем и предания его неврежда храним, богоугодне пребывающе. И о сем радуется, и милостивно приближается к нам, и хранит, и блюдет нас, акы чада своа възлюбленная. **Аще ли нерадисти начнем** о своем спасении, не творяще заповѣди Божия, и закона монастырскаго, и наказания словесъ отца своего **не храним**, **то сами помощи Божия и благодати лишаемся**, и молитва отца нашего не помогает нам. Кромѣ Божия помощи и яже о нас молитв отечских, нѣсмы мощни благо что створити. Тѣмже, **любимии**, вседушнѣ о своем спасении **потщимся и уподобимся** отцем нашим, каковым житьем сѣдоша zde и безмольем, како тихостію и житьем чистым пожиша, бдѣнем и молитвою с показаньем многым и слезами, **един помысль имуще**, еже како токмо **спасутся**. Тѣмже **сблюдайте себе, и не оскверним** святое сие мѣсто, еже отци наши очистиша от бѣсовъ, яко да здѣ добрѣ поживше, **прегрѣшенем оставление примем** в будущи вѣк и с ними уготованных **благ получим**.

Прямое обращение к братии, наличие глагольных форм настоящего и будущего времени 1-го лица множественного числа типа «мним», местоимений «нас», «наши», «нами», условной конструкции «аще... то...», императивов «потщимся», «уподобимся», а также общереферентивный тип высказываний характеризуют заключительный фрагмент жития как аскетический дискурс.

Трансформированный типологический статус агиографического текста с его полидискурсивностью, тесное взаимодействие в структуре жития элементов нарратива, аскетического дискурса, энкомия и молитвы может объясняться прагматическим контекстом, — контекстом его функционирования в рамках богослужебного ритуала почитания святого. В рукописной служебной Минее на январь (РНБ, F.I.478, XVI в.) среди очень подробных уставных указаний нами обнаружено достаточно редкое и потому значимое указание о чтении «на 4 ча-

сти» Жития Павла на утрени после седальна по 1-м стихологии. Оставшуюся часть текста Жития указано читать за трапезой, тогда как после 6-й песни канона присутствует указание о чтении другого текста о Павле — «из Пролога». Если предположить возможность чтения Жития именно в его Пространной редакции на память преподобного 10 января у раки в окружении братии, то Житие в литургическом контексте, в новой прагматической ситуации, становится еще более сложным полидискурсивным текстом. Будучи включено в богослужебный контекст, житие — как и шитый лицевой покров, объединяющий в себе сакральное изображение святого с молитвой к нему,¹⁵ во время переноса на великом входе — служит, возможно, совершенно особым средством коммуникации между братией и их почившим пастырем и духовным наставником.

¹⁵ *Силкин А. В.* Мастерские лицевого шитья в доме боярина Ильи Даниловича Милославского // *Церковное шитье в Древней Руси*. М., 2010. С. 163—183; *Преображенский А. С.* Надгробные покровы русских святых: к вопросу об иконографии, происхождении и функциях // Там же. С. 101—145.